

О НАЗНАЧЕНИИ АРТИЛЕРИИ.

(Къ послѣднимъ дебатамъ въ Общ. р. в. зн.).

Несмотря на повсемѣстное утверждение самаго модернистскаго ученія, что назначеніе артиллеріи—помогать пѣхотѣ, я позволю себѣ еще разъ выступить съ доказательствами неправильности подобнаго опредѣленія назначенія артиллеріи, рискуя испытать нападки всѣхъ придерживающихся болѣе моды, чѣмъ... гигиеничности понятій, не говоря уже о ихъ ясности и опредѣленности.

Въ самомъ дѣлѣ: помогать пѣхотѣ—вовсе не прямое назначеніе артиллеріи; это только необходимое и самое существенное *условіе* или *способъ* выполненія прямого назначенія—*уничтоженія врага отемъ*. Помогать пѣхотѣ—скорѣе всего заповѣдь военно-нравственной этики, ничѣмъ не отличающаяся отъ заповѣди воину: «самъ погибай, а товарища выручай».

Если хотите, назовите это принципомъ, но никакъ не назначеніемъ. Иначе придется по аналогіи и назначеніе война опредѣлять: «самому погибать, а товарища выручать» или: «взаимно выручать».

А потому насколько было бы непродуманнымъ опредѣленіе: «назначеніе война—взаимно выручать другъ друга»,—настолько же оказывается непродуманнымъ опредѣленіе: «назначеніе артиллеріи—помогать пѣхотѣ».

Сочувствіе и даже сердечная жалость къ пѣшимъ воинамъ, несущимъ по сравненію съ другими родами войскъ несравненно большую тяжесть и трудность въ походахъ и въ бояхъ и терпящимъ большія потери, а затѣмъ преклоненіе и душевная потребность оказать честь и почтеніе наиболѣе трудной и опасной боевой дѣятельности пѣхоты—и были причиною возвеличенія пѣхоты не только, такъ сказать, въ табели о рангахъ на особый почетъ и уваженіе въ житейскомъ смыслѣ (что справедливо и полезно), но и въ табели о рангахъ на постоянное главенство въ тактическомъ смыслѣ (что является ошибкой и вредомъ).

Недаромъ почти во всѣхъ государствахъ начали прославлять преимущественныя заслуги, а потому и преимущественное право на почетъ и уваженіе—пѣшихъ воиновъ. Это историческая справедливость и необходимость; прежде конный воинъ, обыкновенно рыцарь, имѣлъ право считать себя выше по цѣнности боевой дѣятельности цѣшаго воина; служба коннаго была и опаснѣе и пожалуй много труднѣе и требовала большаго развитія нравственныхъ и физическихъ силъ; отсюда—высокомѣрное отношеніе къ пѣхотѣ; но въ настоящее время подобное высокомѣрное отношеніе къ пѣшимъ воинамъ не только неумѣстно, но и несправедливо, неразумно, такъ какъ на долю пѣхоты въ выполненіи общей боевой задачи выпадаетъ самая трудная, притомъ, самая опасная и большая работа...

Но нынѣ преимущественныхъ боевыхъ заслугъ и преимущественной жертвы собой пѣхоты сравнительно съ другими родами войскъ никто и не оспариваетъ. Всѣ бьютъ челомъ пѣхотѣ, но нѣкоторые уже настолько крѣпко, что разбиваютъ совѣмъ свое чело, благодаря чему теряютъ способность правильно дѣлать и связывать выводы, замѣняя послѣднія выраженіемъ однихъ чувствъ преклоненія

передъ пѣхотою. Они поэтому же забываютъ разницу между наибольшими заслугами, достоинствами наибольшаго примѣненія и назначеніемъ.

Боюсь, что читатель возымѣетъ претензію, если я начну доказывать такую очевидность, какъ то, что *назначеніе—одно, а заслуги, наибольшее перенесеніе тяжестей боя и похода, наибольшая универсальность и т. д.—совсѣмъ другое*. Но пусть читатель обратитъ вниманіе—какъ сами профессора-артиллеристы съ усердіемъ и жестокостью инквизиторовъ требуютъ отъ всѣхъ исповѣданія вѣры, будто назначеніе артилеріи, кавалеріи, саперъ, авіаторовъ и пр.—помогать пѣхотѣ.

Къ сожалѣнію, при этомъ не хотятъ опредѣлить назначенія самой пѣхоты; впрочемъ это вполнѣ понятно, такъ какъ единственно вѣрное до очевидности опредѣленіе назначенія пѣхоты сейчасъ бы показало... трогательную сантиментальность современныхъ военныхъ ученыхъ, въ виду необходимости сознаться, что назначеніе всѣхъ родовъ войскъ одно и то же, но вооруженіе только разное.

Въ самомъ дѣлѣ, теперь всѣ европейскіе военные ученые, благодаря модѣ, стали избѣгать просто, по ученому опредѣлять назначеніе пѣхоты и боевыя положительныя и отрицательныя качества ея, какъ рода войскъ. вмѣсто этого они начинаютъ захлебываться въ панегирикахъ пѣхотѣ и до того забываются, что вмѣсто ученаго анализа выпаливаютъ эффектные по цѣльности чувства и по глубокому противорѣчію съ прямымъ смысломъ и дѣйствительностью фразы вродѣ: «только въ хорошо обученной пѣхотѣ залогъ побѣды»... «только народы, обладающіе хорошо обученной пѣхотой»... и т. д. Да вѣдь скажи ученые обыкновенную истину, *что пѣхота есть часть или родъ войскъ и что назначеніе ея воевать*, и—имъ придется въ силу злой логики сконфузиться отъ своего увлеченія въ превознесеніи пѣхоты. Сконфузятся потому, что придется согласиться, что и артилерія и кавалерія и прочія войска—суть тоже части или роды войскъ, а потому и ихъ *назначеніе—тоже воевать*. но только въ другихъ роляхъ, другимъ оружіемъ и другими способами, средствами, однако соблюдая полное единеніе, общую связь и принципъ взаимной выручки. Придется согласиться, что надо имѣть хорошо обученные не только пѣхоту, но и всѣ роды войскъ...

Понятно поэтому, что пущенная въ нѣкоторыхъ пособіяхъ для артиллеристовъ фраза въ видѣ афоризма: «пѣхота ведетъ бой, артилерія ей помогаетъ»—также богата смысломъ, какъ, напримѣръ, такая фраза подъ видомъ афоризма: «актеръ, играющій городничаго

въ комедіи «Ревизоръ», ведетъ эту комедію; остальные актеры ему только помогаютъ (но не играютъ сами)...

Однако, многіе солидарны съ такою пародіей на афоризмъ. Нѣкоторые академики, въ томъ числѣ и артиллеристы, съ крикомъ и съ пѣною у рта позволяли себѣ, ничтоже сумняшеся, увѣрять, что «артилерія самостоятельнаго назначенія не имѣетъ и не можетъ имѣть и что вообще артилерія-де нужна ровно настолько, насколько она нужна только пѣхотѣ»... Но такъ какъ собственно пѣхотѣ (но не начальникамъ) артилерія-де нужна (очевидно, что собственно пѣхотѣ для чисто пѣхотной боевой работы нужны не пушки и не лошади и пр., а только ружье и штыкъ; пушки же—работа артилеріи; лошадь—кавалеріи), то ничего и нѣтъ удивительнаго, что европейскіе военно-ученые академики не видятъ надобности для побѣдъ народовъ въ хорошо подготовленныхъ артилеріи и кавалеріи. Достаточно молъ «*только* хорошо обученной пѣхоты» и побѣда народу обезпечена!..

Разбивающихъ себѣ чело фанатическихъ поклонниковъ достоинствъ пѣхоты оказывается совершенно невозможнымъ убѣдить не только въ томъ, что заслуги одно, а назначеніе и дѣятельность—другое, но и въ томъ, что не пѣхота, а начальники общевойсковые ведутъ бой, туда-то для надобностей пѣхоты посылаютъ артилерію—громить непріятельскую артилерію, мѣшающую нашей пѣхотѣ достигнуть не *своихъ*, а назначенныхъ ей цѣлей и задачъ, или громить непріятельскую пѣхоту; туда-то посылаютъ кавалерію для выполнения цѣлей очевидно своихъ, а не пѣхоты; тамъ-то—для демонстраціи, тамъ-то—для главнаго удара. Этимъ неумѣреннымъ въ воспѣваніи пѣхоты поэтамъ все кажется, что не полководецъ посылаетъ пѣхоту или другіе роды войскъ, подобно шахматнымъ фигурамъ, согласно общаго плана боя, а будто пѣхота сама «ведетъ бой» (такъ буквально утверждаютъ), а всѣ остальные роды войскъ посылаются только для цѣлей пѣхоты, исключительно ей въ помощь. Выходить, въ концѣ концовъ, такъ, что полководцы какъ будто только для порядка; на самомъ же дѣлѣ ведутъ бой не они, а пѣхота; полководцамъ какъ будто нечего и голову ломать надъ тѣмъ—какъ ходить (играть, управлять) шахматными фигурами—родами войскъ ¹⁾: пѣхота «поведетъ бой», а остальные роды войскъ будутъ ей «помогать» въ силу своего назначенія, предопредѣленія...

¹⁾ Аналогія между шахматными фигурами и родами войскъ полная: и тѣ и другіе разнятся по относительной силѣ и по степени своей пригодности въ разныхъ положеніяхъ и для разныхъ задачъ.

Мы настолько умственно-терроризованы фанатическими поклонниками пѣхоты, что никто уже не улыбается, когда слышитъ, что назначеніе всѣхъ остальныхъ родовъ войскъ—кромѣ пѣхоты—не просто воевать, а только «помогать пѣхотѣ». Между тѣмъ это большой курьёзъ. Вѣдь если пѣхоту сравнить съ королевой въ шахматахъ (по силѣ равна тремъ легкимъ фигуркамъ), а остальные роды войскъ съ любой маленькой легкой фигурой (эти фигуры именно изображаютъ роды войскъ), то и тогда показалось бы смѣшнымъ утвержденіе, что назначеніе всѣхъ остальныхъ фигуръ *помогать хотя бы главной—королевы*, а не просто быть использованными для игры каждая, согласно своихъ, т.-е. тактическихъ, свойствъ и особенностей, но съ непремѣннымъ условіемъ взаимной поддержки и связи, безъ чего не можетъ быть успѣха.

Вся эта ужасная путаница понятій произошла, какъ мы раньше предположили, отъ вмѣшательства чувствъ почтенія и преклоненія передъ несущими самый тяжкій крестъ въ бою—пѣхотою—въ научное опредѣленіе отличительныхъ свойствъ родовъ войскъ. И вотъ принципъ преклоненія передъ пѣхотою начинаетъ проводиться и въ тактику, благодаря чему цѣлый рядъ здоровыхъ понятій замѣнился нервно-истерическими выкрикиваніями. Такъ прежде подъ *войсками* понимали именно всѣ войска; теперь хотятъ увѣрить, что войско это пѣхота, въ помощь которой, если нужно, придаются всѣ остальные роды войскъ. Прежде войска дѣлили такъ: на пѣхоту, артилерію, кавалерію и вспомогательнаго назначенія... теперь требуютъ отвѣчать: войско это—пѣхота, которой придаются... и т. д. по предыдущему. Прежде подъ арміей подразумѣвали *соединеніе* изъ всѣхъ родовъ войскъ; теперь стараются увѣрить, что армія—пѣхота, которой могутъ быть приданы и т. д.

Прежде говорили, что назначеніе каждаго рода войскъ или оружія—драться и бить непріятеля именно тѣмъ оружіемъ, которымъ онъ снабженъ; теперь учатъ, что дерется съ непріятелемъ и бьетъ его только пѣшій родъ войскъ, вооруженный винтовкой и штыкомъ, роды же войскъ, вооруженные пушкой, пулеметами ²⁾, саблями и пиками и посаженные на коней, не смѣютъ самостоятельно драться и бить непріятеля пушкой, саблей, пикой, шокомъ (кавалерія), а должны помогать ружью и штыку...

²⁾ Пулеметь очевидно нельзя отнести къ пѣхотѣ.

Прежде, когда артиллерійской техники было далеко до современнаго совершенства, всетаки и не подумывали обходиться безъ артиллеріи не только въ теченіе войны, но и въ бояхъ, сраженіяхъ. Считали немислимымъ для пѣхоты исполненіе задачъ артиллеріи, невозможнымъ замѣстить артиллерію пѣхотою; говорили, что никакая пѣхота не пройдетъ поставленной хорошей непріятельской артиллеріей огневой завѣсы ³⁾, и наоборотъ, что артиллерія сможетъ отовсюду прогнать пѣхоту, какъ бы она стойко ни держалась за свой участокъ; нынѣ пробуютъ увѣрить, что все назначеніе артиллеріи — помогать пѣхотѣ, выполнять ея узенькія, а не всей арміи, задачи...

Прежде говорили, что *довершить* побѣду однимъ родомъ войскъ (кромѣ впрочемъ кавалеріи) нельзя: если артиллерія своимъ огнемъ заставитъ непріятеля отойти, необходимо, чтобы пѣхота и артиллерія заняли этотъ оставленный непріателемъ участокъ; если пѣхота выбьетъ штыками непріятеля, необходима артиллерія, чтобы удержать этотъ участокъ; артиллерія часто почти одна прикрывала отступление... Теперь хотя и признаютъ тоже само, но съ объясненіемъ, что дѣлается такъ не для общаго дѣла, а только для надобностей пѣхоты.

Прежде говорили, что для общей цѣли — побѣды надъ врагомъ, а не только для цѣлей пѣхоты, артиллерія сначала старается ослабить противника, но не тамъ непременно, гдѣ это нужно пѣхотѣ, а гдѣ это нужно для обшихъ цѣлей по плану командующаго; напр., 17-го февр. 1905 г. японской пѣхотѣ вовсе не нужно было идти на Новгородскую и Путиловскую сопки, но однако онѣ обстрѣливались даже 11-ти дм. снарядами именно потому, что всѣ войска направились въ обходъ нашего праваго фланга; противъ же Путиловской сопки оставили одну артиллерію и въ *помощь ей* — *пѣхоту*.

Затѣмъ пѣхота *помогаетъ* огню артиллеріи и штыками овладѣваетъ позиціей непріятеля. Затѣмъ кавалерія добиваетъ непріятеля преслѣдованіемъ.

Теперь пробуютъ увѣрить, что дѣйствія артиллеріи не для общей цѣли, а для того, чтобы помочь пѣхотѣ дойти и овладѣть даннымъ участкомъ непріятеля, т.-е. что артиллерія служитъ не общему дѣлу боя, а пѣхотѣ. Къ сожалѣнію, почему-то не продолжаютъ дальнѣйшіе выводы, которые бы должны были привести къ тому, что задача артиллеріи и пѣхоты въ томъ, чтобы помочь кавалеріи въ ея цѣли — *разсѣять* или *добить* преслѣдованіемъ разбитаго непріятеля...

³⁾ Г. Л. Рейхенау.

Наконецъ, для краткости пропуцую цѣлый рядъ доказательствъ наличія уклоненій отъ прямого смысла назначенія родовъ войскъ, и приведу одно, особенно характеризующее нашу страсть къ поэтическому олицетворенію отвлеченныхъ вещей.

Вѣдь бой ведутъ не пѣхота, не артилерія и пр., а арміи и части армейскія; поэтому всѣ эти «пѣхотныя задачи», всѣ эти «помощи пѣхотѣ» — лишь продукты поэтического настроенія, хотя бы потому, что нѣтъ и не будетъ такого мудреца, который бы нашелъ средство помочь пѣхотѣ вообще, а не какой-нибудь тактической единицѣ. Наконецъ, и «помогаетъ» не артилерія, а военачальникъ данной артилерійской частью...

Вообще, на мой взглядъ, намъ, артилеристамъ, грѣшно, ради постороннихъ соображеній о поднятіи престижа пѣхоты, поступаться максимумомъ исползованія своихъ силъ и суживать размѣръ своей боевой дѣятельности только до рамокъ «помощи пѣхотѣ». Еще грѣшнѣе учить, что въ этой то помощи пѣхотѣ — все назначеніе артилеріи... Какъ будто стрѣльба артилеріи, сама война — для славы пѣхоты, а не пѣхота для успѣха войны? Какъ будто не ясно, что тамъ, гдѣ прозрѣвають успѣхъ, жертвуютъ и пѣхотой и помощью пѣхотѣ? Неужели поэтому не ясно и то, что артилерія должна привыкать думать прежде всего объ общемъ успѣхѣ боя, для котораго не только вправѣ, но и обязана пожертвовать частною помощью своей пѣхотѣ.

Стыдно, что артилеристы привыкають къ мысли, будто ихъ дѣло маленькое — только помощь пѣхотѣ — и пріучаються ограничивать себя въ стремленіи достигать непосредственно-рѣшающаго вліянія на ходъ боя и сраженія, что безспорно оказывалось возможнымъ для тѣхъ артилеристовъ, которые, хотя и цѣнили «многострадальность» пѣхоты и преклонялись за это передъ нею, хотя и помнили принципъ взаимной помощи и выручки, но въ то же время и понимали, что не въ исключительныхъ, а во многихъ случаяхъ и положеніяхъ артилерія можетъ добиться непосредственно гораздо большаго успѣха, чѣмъ пѣхота, и что такіе случаи надо умѣть использовать, не удерживая себя рамками «только помощи пѣхотѣ (какая это помощь, когда можетъ дѣйствовать только «помогающій», а «тотъ, кому «помогаютъ», «не можетъ ничего сдѣлать?»).

Итакъ будемъ бить челомъ пѣхотѣ за ея «многострадальность», будемъ соблюдать принципъ взаимной выручки (а не только одно-

сторонней), но будемъ же разсуждать здраво и не путать смысла всѣхъ понятій о взаимодействіи въ бою родовъ войскъ.

Будемъ стремиться дойти до того, чтобы нашимъ боевымъ товарищамъ—остальнымъ родамъ войскъ—оставалось только помочь, докончить работу артилеріи...

А то только: «назначеніе артилеріи—помогать пѣхотѣ»...

А. Дмитревскій.

